

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340.1

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-7-17

«ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» КАК ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВООПОНИМАНИЯ В РОССИИ

Васильев С. В.

Псковский государственный университет

180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обоснование и укрепление представлений о «злоупотреблении правом» как явлении, нуждающемся в пристальном изучении и не только имеющем негативный смысл, но и выступающем эффективной конструкцией совершенствования правового пространства страны.

Процедура и методы. В статье проанализированы взгляды на «злоупотребление правом» как сложное и неоднозначное явление, способное отражать актуальные проблемы формирования правового пространства России. Отмечены особенности её идентификации при господствующем позитивистском правопонимании, и высказаны предположения о путях снижения возможностей манипулирования правом. Рассмотрена необходимость корректировки научных взглядов (правопонимания) на регуляторные свойства законной формы права. Дана оценка возможностей закона как самодостаточного регулятора в условиях стремительно растущего многообразия проявлений жизнедеятельности в обществе. При проведении исследования применены сравнительно-правовой метод, формально-логический, диалектический.

Результаты. В ходе работы были выявлены новые содержательные элементы (характеристики) категории «злоупотребления правом», что позволило уточнить его понятие. Указаны дополнительные возможности повышения уровня правовой обеспеченности развития социума при создании условий широкого использования иных, нежели закон, правовых регуляторов поведения. Выявлены позитивные аспекты использования конкурентных начал взаимодействия права и закона для повышения качества правовой регламентации отношений социума в процессе объективного ускорения их трансформации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию права, поскольку впервые обосновывают, что данное явление может иметь временный характер и теоретически отражает переходный период в развитии российского правопонимания в направлении качественного улучшения инструментальных свойств правового регулятора. Практическая значимость исследования состоит в перспективе успешного решения проблемы «злоупотребления правом» путём постепенного отказа от данной конструкции в правотворческом и правоприменительном процессах через расширение использования качеств и свойств потенциала права, способных принципиально не допустить (предупредить) недобросовестное манипулирование им.

Ключевые слова: право, закон, верховенство, высшая юридическая сила, многообразие социума, заинтересованность, выгода

"ABUSE OF LAW" AS A PROBLEM OF LEGAL UNDERSTANDING TRANSFORMATION IN RUSSIA

S. Vasiliev

Pskov State University

2, Lenin pl., Pskov, 180000, Russian Federation

Abstract

Aim. To substantiate and strengthen the concept of «abuse of law» as a phenomenon that needs close study and has not only a negative meaning, but has a potential to be an effective structure for improving the legal space of the country.

Methodology. The article analyzes the views on the «abuse of law» as a complex and ambiguous phenomenon that can reflect the current problems of the formation of the legal space in Russia. The features of its identification with the prevailing positivist legal understanding are noted and suggestions are made about ways to reduce the possibilities of manipulating the law. The necessity of correcting scientific views (legal understanding) on the regulatory properties of the legal form of law is considered. An assessment of the possibilities of the law as a self-sufficient regulator in the conditions of a rapidly growing variety of manifestations of life in society is given. During the research, a comparative legal method, formal logical, and dialectical one were used.

Results. In the course of work, new substantive elements (characteristics) of the category of «abuse of law» were identified, which made it possible to clarify its concept. Additional opportunities for increasing the level of legal security for the development of society are indicated while creating conditions for the widespread use of legal regulators of behavior other than the law. The positive aspects of using the competitive principles of interaction between law and law to improve the quality of legal regulation of social relations in the process of objectively accelerating their transformation are revealed.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of law, since for the first time they convincingly prove that this phenomenon can be temporary in nature and theoretically reflects a transitional period in the development of Russian legal thinking in the direction of a qualitative improvement of the instrumental properties of the legal regulator. The practical significance of the study lies in the prospect of a successful solution to the problem of «abuse of law» by gradually abandoning this construction in law-making and law enforcement processes through the expansion of the use of the qualities and properties of the potential of law, capable of fundamentally not allowing (preventing) unfair manipulating them.

Keywords: law, legislation, supremacy, supreme legal force, diversity of society, interest, benefit

Введение

Необходимость интенсивной трансформации социальных и политических институтов, ощущаемая мировым сообществом в последние десятилетия, обострила имеющиеся проблемы и породила новые вызовы государству и праву как фундаментальным социальным явлениям.

На примере изучения так называемой проблемы «злоупотребления правом» аргументируется потребность корректировки методологических подходов к осмыслению ключевых правовых явлений действительности, которые затруднитель-

но объяснить посредством традиционных исследовательских конструкций позитивистской направленности, доминирующих в «официальном» правопонимании.

Данная проблема обсуждается в российской правовой науке. Э. Ю. Балаян и Д. В. Гацко отмечают различные подходы к определению правовой природы этого явления, указывая, что «в научных исследованиях по общей теории права нет единого подхода в понимании правовой сущности злоупотребления правом» [3, с. 62]. В первом приближении несколько странной выглядит версия, которой придержи-

вается А. Е. Наумов [13, с. 7–8], рассматривая данное явление как вид правомерной деятельности, а наиболее убедительной представляется позиция В. П. Грибанова [6, с. 38], признающего «злоупотребление правом» одним из видов правонарушений. По мнению этого ученого, «злоупотребление правом есть особый тип *гражданского правонарушения*» [7, с. 53]. Отметим, что с ним соглашались и другие, указывая, что «злоупотребление правом» представляет собой «самостоятельную, специфическую форму нарушения принципа осуществления гражданских прав в соответствии с их социальным назначением» [5, с. 56]. Вероятно, более общий характер, связанный с распространением «правонарушающего образа» данного явления и на иные сферы отношений, помимо гражданско-правовой, имеет точка зрения А. Р. Акчурина, согласно которой «злоупотребление правом» связывается с причинением вреда [1, с. 40–43].

На вредоносности злоупотребления субъективным правом акцентирует внимание А. А. Малиновский, отмечая, что оно «представляет собой такой способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству» [12, с. 9].

Наиболее широкий подход к пониманию «злоупотребления правом» демонстрирует В. И. Крусс. Он пытается доказать, что такое явление не просто существует, а «получило самое широкое распространение во всех сферах правового регулирования как российской, так и иностранных конституционно-правовых систем, в глобальной практике международных отношений» и имеет угрожающий, «социально деструктивный и аномальный характер» [10, с. 7–8].

Признаки злоупотребления правом

Для идентификации признаков злоупотребления правом особое значение имеет факт наличия или отсутствия упоминания данного явления в законодательстве.

Например, использование данной смысловой конструкции обнаруживается в ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», позволяющей оставлять обращение гражданина без ответа и информировать его о недопустимости злоупотребления правом [17, с. 54–59]. Л. З. Двалишвили отмечает, что в «п. 1 ст. 10 ГК РФ предусмотрен запрет на злоупотребление правом» [8, с. 36–40]. Правонарушение при «злоупотреблении правом» усматривается в том, что «права, предоставленные законом участникам правоотношения, используются лицом не по назначению» [8, с. 36–40].

По мнению А. А. Малиновского, «основным назначением субъективного права является формальная правозглашенность и государственная гарантированность возможности человека удовлетворить свою потребность (интерес), установленным в законе способом или способом, не противоречащим закону» [12, с. 10]. Учёный считает, что «возможность злоупотребления субъективным правом детерминирована свободой усмотрения управомоченного субъекта» [12, с. 10].

«Злоупотреблять субъективным правом» означает, вероятно, что при некоторых условиях право (как синоним свободы усмотрения?) открывает новые возможности для поведения, способного нанести вред интересам других. По нашему мнению, свободу усмотрения нельзя отождествлять с произвольностью действий, провоцирующих злоупотребления. Напротив, право, обеспечивая свободу усмотрения, не помогает действовать произвольно, поскольку *его назначение иное*: освободить пространство для *самостоятельного выбора* управомоченным лицом. Право *не отвечает за сам конкретный выбор*, что исключает злоупотребление им. Осознание самостоятельности выбора и всей полноты ответственности за него крайне дисциплинирует поведение субъекта права, обеспечивая выбор так, что лицо делает его *в силу своих реальных возможностей* адекватно обстоятельствам действительности. Здесь

никак не просматривается тенденция к «злоупотреблению». Напротив, действующий на основе свободного самостоятельного выбора управомоченный субъект будет стараться вести себя так в отношениях с другими, чтобы *благоприятно для себя* сформировать свою траекторию поведения, *немыслимую вне благоприятного отношения* окружающих.

Для развитого правового понимания (так называемый правовой «модерн» [9, с. 59]), как нам представляется, нет ничего противоестественного (не наблюдается «злоупотребления правом») в том, что «права используются лицом ради извлечения лицом выгод из этих прав посредством их осуществления» [8, с. 36–40]. При распространённом в России понимании у носителей прав крайне сложно сформировать *их заинтересованность* в активном созидательском поведении. Права превращаются не столько в инструмент обеспечения особенных интересов правообладателей, сколько в инструмент поддержания *определённого законом порядка*, который в реалиях стремительно меняющейся действительности может *не вполне соответствовать* этим «частным» интересам, отставать от них. Можно предположить, что такой порядок регулирования «тормозит» заинтересованность большинства участников отношений в их активном поведении и снижает вероятность развития социума творческими усилиями основной массы населения. *Заинтересованность и выгода* не смогут стать драйверами энергичного и сбалансированного развития социума.

Фактически «злоупотреблением правом» называют ситуацию, когда лицо использует свои субъективные права для извлечения собственных выгод и обеспечения своих особенных интересов, игнорируя (обход закона) предназначение и достижение целей, ради которых закон предоставляет права участникам правоотношения. Вероятно, такое происходит, если поведение по достижению этих целей, предписанных законом, *входит в противоречие* с особенными интересами правообладателя (например, не обеспечивает их

достойно) и становится *не выгодным* для него. Это следствие естественного углубления многообразия жизнедеятельности социума, за которым объективно не успевает ни один закон.

Сегодня злоупотребление правом чаще рассматривается как *оговорка законодателя*. Это своеобразный «клапан», применяемый *в наиболее редких* жизненных ситуациях и призванный стимулировать стороны к обеспечению справедливого баланса интересов и проявлению минимальной заботы о прочих участниках оборота [8, с. 36–40].

Есть сомнения в правильности и полноте данной точки зрения. Например, В. И. Крусс даёт такое развёрнутое определение: «Злоупотребление правом – это конституционно недопустимое (неправомерное по сути) формально законное недобросовестное деяние (действие или бездействие) субъекта права, нарушающее права и свободы человека и гражданина и способное причинить вред частным или публичным конституционным интересам, а также другим конституционным ценностям» [12, с. 61]. Главным признаком всякого злоупотребления автор называет неконституционность [12, с. 27].

По нашему мнению, выявление «злоупотребления правом» через «неконституционность» перспективно тем, что направлено своим остриём против «формально законного» деяния, т. е. не исключает «погрешности» законодательной формы. Другие учёные, упоминавшиеся выше, ставят под сомнение, в основном, субъективные права, исправляя их «склонность к вольности» облачением в законный механизм их реализации. Но, к сожалению, В. И. Крусс оставляет за скобками ответ на вопрос о достаточности (развитости) правового потенциала самой Конституции, которая является хотя и основным, но всё же формально ограниченным законом. Его «сущностный смысл» определяется толкованием конституционных ценностей ответственными за это властными органами и может быть, в свою очередь, политически ангажированным и, вероятно,

«неправомерным по сути». Е. Л. Поцелуев, рецензируя учебное пособие В. И. Крусса, справедливо отмечает, что «позитивно оценивает действующую Конституцию нашей страны, но не испытывает по отношению к ней такого пиетета» [16].

О распространённости данного явления, установленной В. И. Круссом, также можно дискутировать. По нашему мнению, феномен «злоупотребления правом» проявляется как следствие *специфического видения* процесса правового регулирования в странах, где правовое пространство не вполне развито, а правопонимание, отягощённое солидаристско-позитивистскими догмами, страдает серьёзными изъянами. Всё это в комплексе вызывает естественное недоверие к правовому регулятору (широко распространён правовой нигилизм), провоцирующему допущение «злоупотребления» им. Поэтому проблема «злоупотребления правом» в значительной мере есть вопрос назревшей трансформации правопонимания, следствием чего станет исчезновение «злоупотребления правом» как реального факта.

Уместно вспомнить точку зрения Н. С. Малеина, который ещё в 1992 г. говорил: «Возможно одно из двух: если субъект действует в границах принадлежащего ему права – и тогда он не злоупотребляет своим правом, или он выходит за пределы, установленные законом, и, таким образом, нарушает закон, не злоупотребляет правом, а совершает элементарное правонарушение ... В обоих случаях для идеи и общей нормы о злоупотреблении нет места» [11, с. 21].

Можно оспорить отсутствие места для идеи «злоупотребления правом», поскольку её наличие очевидно и явно привлекает внимание, но выявленное В. И. Круссом чуть ли не тотальное «злоупотребление правом» ни что иное, как различного рода конкретные правонарушения, которые в соответствии с законом (в т. ч. и Основным) обязаны получать должную оценку. Если кто-то не выполняет своих полномочий должным образом, он не злоупотребляет правом, а, например, превы-

шает свои полномочия или халатно относится к их выполнению и т. д.

В разрез с точкой зрения В. И. Крусса, более важной, на наш взгляд, является проблема распространённости фактов возможной квалификации как *неправомерной фактически правомерной (правомерной по сути) или не противоречащей праву* деятельности, которая объективно (вынужденно) осуществляется вне закона (в обход него) из-за естественной ограниченности этой правовой формы. Действующие субъекты не могут в достаточной мере заинтересованно реализовать свою выгоду, способную обеспечить творческую траекторию поведения каждого управомоченного. Возникает своеобразный эффект «народного правотворчества» явочным, если можно так выразиться, порядком. Сами реалии действительности настойчиво требуют и иных форм регламентации, связанных с *широким саморегулированием*, позволяющим учитывать *выгоды многообразия* самими пользователями в противовес «наиболее общим схемам развития правоотношений», затрудняющим получение качественного результата. Весьма уместно при этом вспомнить мнение о демократии как управлении многообразием [22].

Со стороны закона перед нами «формально незаконные деяния», которые можно оценить не просто как соответствующие правонарушения, а именно как «злоупотребление правом», если доказать (быть уверенным), что эта незаконность поведения спровоцирована и поддержана «вредным» использованием, например, субъективных прав, т. е. фактически «предъявить обвинение» этим правам. Достаточно заметно это «обвинение» проявляется, по нашему мнению, в трудах А. А. Малиновского [12]. Фактически, это результат своеобразного *противостояния права и закона*, разрешить которое пытаются не в пользу первого, если при этом констатируют наличие «злоупотребления правом». А если закон всё же не совсем прав? Тогда это явление более точно следует называть «злоупотреблением зако-

ном». Если внимательно присмотреться, у В. И. Крусса речь идёт именно о таком «злоупотреблении» (*формально законное, но неправомерное по сути деяние*).

По нашему мнению, в контексте вышесказанного, проблема различения права и закона и их соотношения должна получить «второе дыхание», несмотря на её фундаментальную проработку В. С. Нерсесянцем. Он трактовал правовую закон как «адекватное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определённости и конкретности, необходимых для действующего позитивного права» [14, с. 36].

Главная идея автора либертарной теории – сущностное различие права и закона [2, с. 8]. Отмечая недостатки, С. И. Архипов считает, и с ним можно согласиться, что В. С. Нерсесянц, «декларируя общие критерии правового закона, не углублялся в правовую сферу ... Нет перехода от философских воззрений к правовой системе, к организации правовой деятельности (правотворчества, судопроизводства и т. д.)» [2, с. 10–11].

По нашему мнению, это несколько идеалистическая версия права, которая очень содержательна, весьма оригинальна, глубока, но не обеспечивает должного инструментального уровня данной категории как *эффективного регулятора поведения*, весьма востребованного в нынешних условиях стремительно расширяющегося многообразия социума и обилия разнообразных интересов. Основной недостаток в том, что в такое «познанное по существу» право при использовании в практической плоскости представителям системы формирования «государственной воли» не слишком трудно вложить, например, политически «правильный» смысл, транслируя его всему остальному законодательству, которое тем самым будет «освящено, как правовое» (хотя в его основе может оказаться лишь требование той или иной целесообразности).

В контексте сказанного представляет интерес и работа Н. А. Шавеко, где автор весьма убедительно приходит к выводу, что «либертарно-юридическая теория пра-

ва не может считаться аргументированным ответом на стоящие перед теорией права вопросы» [19, с. 59].

По нашему мнению, право для снижения рисков «злоупотребления» им необходимо в первую очередь рассматривать не как «выявленную сущность», а как *некоторый процесс*, в котором в зависимости от конкретных обстоятельств окружающей действительности проявляются (или не проявляются, не доступны) разнообразные регуляторные качества права. При таком подходе становится возможным укрепить объективный характер данного явления цивилизации, повысить уровень доверия к нему, ограничив субъективизм усмотрения «властной регулирующей воли», и в перспективе фактически отказаться от конструкции «злоупотребления правом», сосредоточив внимание на «злоупотреблении законом».

Ограниченность законодательной формы права

Надо осознать (совершенствою правового понимания), что закон как *ограниченная правовая форма* не в полной мере способен осуществить «разумное» централизованное управление многообразными усложняющимися общественными отношениями, не всегда успевает учитывать их специфику. Для снижения «репутационных» потерь от этого ведётся серьёзная работа по содержательному совершенствованию законодательства, что должно в некоторой мере нейтрализовать недостатки этой ограниченности. Однако процесс развития в социуме значительно более стремительный, и форма закона *принципиально не в состоянии* монопольно урегулировать это многообразие «рвущихся наружу» проявлений различной созидательной заинтересованности отдельных субъектов так, чтобы обеспечить позитивный драйв общественного организма в целом.

Особая динамичность отношений (их многообразие) присуща цифровой сфере, и, как нам представляется, качественной законодательной поддержки «виртуаль-

ных» процессов в направлении их развития в России пока не обеспечено. Так и не удалось получить высокий уровень определения понятия «цифровые права», поскольку предложенное законодателем определение цифровых прав «по сути своей правом не является. Это тот же закон, не ориентированный на доминирование конкурентных начал, а включённый в режиме «ждите ответа...». Это в основном обязанности самого правообладателя, прописанные в законах, призванных в некотором будущем представить механизм реализации данного субъективного права» [4, с. 196].

В связи с этим представляет интерес мнение Т. Я. Хабриевой, которая отмечает, что «многие государства, как и Россия, в регулировании общественных отношений, связанных с цифровизацией, опираются, прежде всего, на законодательство. Учитывая, что отношения в данной сфере весьма динамичны, преобладание законодательных актов снижает эффективность правовой регламентации, сокращает возможность оперативно реагировать на изменения, происходящие в предмете регулирования. Для того чтобы адекватно отражать динамику развития современной правовой сферы, правовые регуляторы должны быть чрезвычайно гибкими» [18, с. 8]. Нельзя не прислушаться к Д. А. Пашенцеву, высказывающему мнение, что «в условиях цифровизации общественных отношений... возникает потребность в расширении арсенала используемых регуляторов... В перспективе это может привести к тому, что закон утратит прежнюю роль, что неминуемо скажется на масштабах и направлениях законотворческой деятельности... Такая тенденция является объективной...» [15, с. 11].

Неспособность регулятивных свойств закона оперативно учесть обстановку проявляет себя и в условиях, спровоцированных Covid-19. Коллизия основных прав и права на здоровье, объективно неизбежная при пандемии коронавируса, требует правительственных мер для защиты досту-

па людей к системе здравоохранения [20; 21]. Ситуация требует решений «быстрого реагирования», что, в свою очередь, становится серьёзной проблемой для принятия управленческих решений администрацией. Внешне это может напоминать злоупотребление ею правом и вызывать многочисленные нарекания со стороны блюстителей «верховенства закона» из-за провоцируемого такими решениями «столкновения» основных прав и свобод, в результате которого приходится жертвовать одними в пользу других.

По нашему мнению, вероятно ситуация, когда участники правоотношений всё чаще *вынуждены* исполнять права, предоставленные им законом, не по назначению, т. е. не для достижения целей, ради которых их ими наделили (и которые не всегда адекватны реалиям *изменяющейся действительности*, вступая в противоречие с конкретными интересами граждан). Граждане, если можно так выразиться, явочным порядком «перепрофилируют» свои субъективные права, предоставленные им законом в правоотношениях на определённые цели, в инструменты извлечения *личных выгод* и наиболее полной реализации *своих индивидуальных интересов*, что, в общем-то, естественно. Вот такое получается «народное правотворчество», как *конкурент* закона! Невольно вспоминается упоминавшаяся выше позиция А. Е. Наумова [13], рассматривающего «злоупотребление правом» как вид правомерной деятельности. Можно диагностировать некоторый углубляющийся диссонанс между законной регламентацией правоотношений и тем *фактическим содержанием* поведения, которое требуется правообладателю для успешных и эффективных действий *в своих интересах*.

Озвучим некоторые предположения. Феномен «злоупотребления правом» может быть проявлением естественных и объективных процессов всё большей поляризации (потребности разграничения) права и закона в специфических российских условиях. Иными словами, насыщение окружающей действительности и

интенсификация жизнедеятельности неизбежно приводят к тому, что «массовые» правообладатели *вынуждены* использовать *все возможные средства* (в первую очередь, субъективные права) для обеспечения и защиты своих индивидуальных (особенных) интересов, поскольку ими ощущается, что законный правопорядок не всегда является их достаточной гарантией. Например, государству, декларирующему курс на повышение уровня благосостояния населения и оформляющему его законодательно, в реалиях действительности сложно этот процесс обеспечить из-за ограниченности сил и средств.

По мнению Л. З. Двалишвили, оговорка о злоупотреблении правом, «призванная стимулировать стороны к обеспечению справедливого баланса интересов и проявлению минимальной заботы о прочих участниках оборота» [8, с. 36–40], применяется по смыслу как некоторое исключение из общих правил, поскольку, в основном, *вне этих правил* участники правоотношений «не играют». Нам такая уверенность кажется не вполне оправданной.

Иногда исключения из правил из-за их обилия сами *вынужденно* превращаются в правила. В этом контексте интересно влияние на международный бизнес всё более широкого использования «исключений» из норм ВТО для оправдания торговых мер по защите национальной промышленности и населения. Не проявляется ли здесь объективная необходимость «подрыва правил глобальной торговли, на которые международный бизнес опирался на протяжении десятилетий» [15], для более полного и справедливого учёта конкретных обстоятельств?

Отказ от признания объективной ограниченности законодательной формы как принципа права может быть «злоупотреблением законом». Думается, что альтернативные формы регуляции уже есть и они всем известны – правовая доктрина, субъективное право и прочее. Вопрос не в том, чтобы «придумать» альтернативные по отношению к закону формы регуляции, а в том, чтобы сам закон на основе

указанного выше принципа *объективно изменялся* в направлении «освобождения» пространства для этих достаточно известных форм, которые составят здоровую конкуренцию ныне монополю господствующей правовой форме и обеспечат её совершенствование как адекватного условиям развития социума регулятора. Тогда *совершенствование закона* пойдёт не только в направлении его так называемой конкретизации (призывы к которой стали уже общим местом), но и по пути выяснения границ применения законодательной формы, позволяющих широко использовать иные «оперативные» инструменты регламентации отношений, способные, помогая закону и не посягая на его «зону ответственности», справедливо урегулировать всё бесконечное многообразие жизненных ситуаций.

Заключение

Завершая работу, сделаем некоторые выводы.

«Злоупотребление правом» – это негативные явления действительности (факты), идентифицируемые (устанавливаемые) в рамках применения конструкций правопонимания, в основе которых доктринальные положения солидаристско-позитивистского типа, предполагающие монополиную доминанту законодательной формы права среди иных регуляторов поведения.

По нашему мнению, данное явление имеет *временный характер* и теоретически отражает переходный период в развитии российского правопонимания в направлении, ориентированном на качественное улучшение инструментальных свойств правового регулятора. Идея в том, что проблема «злоупотребления правом» *в практической плоскости будет решена* на основе постепенного отказа от данной конструкции через расширение использования качеств и свойств потенциала права, способных *принципиально не допустить* недобросовестного манипулирования им.

Сегодня же эта конструкция в условиях России объективно необходима для

обеспечения процесса упорядочения отношений, поскольку распространённые представления о праве (господствующее правопонимание) и инфраструктура правового пространства страны (реальная практика правотворчества и правоприменения) таковы, что пока не позволяют в должном объёме (в должной мере) использовать глубинный потенциал правового регулятора, допуская манипулирование им в недобросовестных целях.

На наш взгляд, «злоупотребление правом» в первую очередь – принципиальный вопрос отношения к праву и закону, позволяющий более конкретно и точно определить (акцентировать) сложные моменты их взаимодействия (соотношения) в специ-

фических российских условиях. Дискуссия вокруг «злоупотребления правом» позволит учёным совершенствовать российскую правовую доктрину.

«Злоупотребление правом» не может рассматриваться в современных условиях России лишь как своеобразный «клапан для выпуска пара» [8]. Но и масштабность этого явления, обнаруженная В. И. Круссом [10, с. 7–8], требует уточнения причин его происхождения, что в процессе развития представлений о данном явлении может быть более точно названо «злоупотребление законом».

Статья поступила в редакцию 24.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурин А. Р. К вопросу о злоупотреблении правами участниками избирательного процесса // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 40–43.
2. Архипов С. И. Либертарная теория права В. С. Нерсисянца: достоинства и недостатки // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 5–14.
3. Балаян Э. Ю., Гацко Д. В. Злоупотребление правом в избирательном процессе: теоретико-конституционный аспект // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 61–64.
4. Васильев С. В. Проблемные аспекты правового обеспечения государственного регулирования хозяйственной деятельности в условиях формирования цифровой экономики // Актуальные вопросы развития экономики и управления: сборник. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 194–199.
5. Гражданское право: в 2-х т. Т. 2. Пт. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: БЕК, 2000. 704 с.
6. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 410 с.
7. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Российское право, 1992. 204 с.
8. Двалишвили Л. З. К вопросу о признаках и видах злоупотребления правом: анализ российской и немецкой судебной практики // Мировой судья. 2018. № 12. С. 36–40.
9. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 320 с.
10. Крусс В. И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. 176 с.
11. Малиновский А. А. Злоупотребление правом (основы концепции). М., 2000. 100 с.
12. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-р. юрид. наук. М., 2009. 53 с.
13. Наумов А. Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 21 с.
14. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2018. 848 с.
15. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
16. Поцелуев Е. Л. Рецензия на книгу: Крусс В. И. Злоупотребление правом: учеб. пособие // Правоведение. 2011. № 2. С. 240–243.
17. Степкин С. П. Проблемы злоупотребления правом при реализации права граждан на обращения // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 54–59.
18. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
19. Шавеко Н. А. Либертарно-юридическая концепция права: критический анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 2 (127). С. 59–67.
20. Dos Santos J. L., Messetti P. A., et al. Collision of Fundamental Human Rights and the Right to Health

- Access During the Novel Coronavirus Pandemic [Электронный ресурс] // *Front Public Health*. 2021. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2020.570243/full> (дата обращения: 06.05.2021).
21. Curran L., Eckhardt J., Lee J. The trade policy response to Covid-19 and its implications for international business // *Critical perspectives on international business*. 2021. Vol. 17. № 2. P. 252–320.
 22. O'Brien N. From «Judicial Mind» to «Democratic Soul»: Law and Politics on the Bureaucratic Frontline // *Political quarterly*. 2020. Vol. 92. № 1. P. 40–47.

REFERENCES

1. Akchurin A. R. [On the issue of rights abuse by the electoral process participants]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State authorities and local self-government], 2015, no. 5, pp. 40–43.
2. Arkhipov S. I. [Libertarian theory of law by V. S. Nersesyants: advantages and disadvantages]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2015, no. 5, pp. 5–14.
3. Balayan E. Yu., Gatsko D. V. [Abuse of law in the electoral process: theoretical and constitutional aspect]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2020, no. 3, pp. 61–64.
4. Vasilev S. V. [Problematic aspects of the legal support of state regulation of economic activity in the context of the formation of the digital economy]. In: *Aktualnye voprosy razvitiya ekonomiki i upravleniya* [Topical issues of economic development and management]. Pskov, Pskov State University Publ., 2020, pp. 194–199.
5. Sukhanov E. A., ed. *Grazhdanskoe pravo. T. 2. Pt. 1* [Civil law. Vol. 2. Hw. 1]. Moscow, BEK Publ., 2000. 704 p.
6. Gribanov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2000. 410 p.
7. Gribanov V. P. *Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav* [Limits of the exercise and protection of civil rights]. Moscow, Rossiiskoe pravo Publ., 1992. 204 p.
8. Dvalishvili L. Z. [On the issue of signs and types of abuse of law: analysis of Russian and German judicial practice]. In: *Mirovoi sudya* [Justice of the Peace], 2018, no. 12, pp. 36–40.
9. Zorkin V. D. *Tsivilizatsiya prava i razvitie Rossii* [A civilization of law and development of Russia]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2015. 320 p.
10. Kruss V. I. *Zloupotreblenie pravom* [Abuse of law]. Moscow, Norma Publ., 2010. 176 p.
11. Malinovsky A. A. *Zloupotreblenie pravom (osnovy kontseptsii)* [Abuse of law (basic concept)]. Moscow, 2000. 100 p.
12. Malinovsky A. A. *Zloupotreblenie subektivnym pravom kak yuridicheskii fenomen: avtoref. dis. ... d-r yurid. nauk* [Abuse of subjective law as a legal phenomenon: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2009. 53 p.
13. Naumov A. E. *Zloupotreblenie pravom: teoretiko-pravovoi aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Abuse of law: theoretical and legal aspect: abstract of PhD thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2011. 21 p.
14. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Norma Publ., 2018. 848 p.
15. Pashentsev D. A. [Russian Legislative Tradition Facing the Challenge of Digitalization]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 2, pp. 5–13.
16. Potseluev E. L. [Book review: Kruss V. I. Abuse of law]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2011, no. 2, pp. 240–243.
17. Stepkin S. P. [Problems of abuse of the right when exercising the right of citizens to appeal]. In: *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Legal Journal], 2019, no. 1, pp. 54–59.
18. Khabrieva T. Ya. [Law before the challenges of the digital reality]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 9, pp. 5–16.
19. Shaveko N. A. [Libertarian legal concept of law: a critical analysis]. In: *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], 2019, no. 2 (127), pp. 59–67.
20. Dos Santos J. L., Messetti P. A., et al. Collision of Fundamental Human Rights and the Right to Health Access during the Novel Coronavirus Pandemic. In: *Front Public Health*, 2021. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2020.570243/full> (accessed: 05.06.2021).
21. Curran L., Eckhardt J., Lee J. The trade policy response to Covid-19 and its implications for international business. In: *Critical perspectives on international business*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 252–320.
22. O'Brien N. From «Judicial Mind» to «Democratic Soul»: Law and Politics on the Bureaucratic Frontline. In: *Political quarterly*, 2020, vol. 92, no. 1, pp. 40–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васильев Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин и теории права Псковского государственного университета;
e-mail: profi.60@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Vasiliev – Dr. Sci. (Law), Prof., Departmental Head, Department of State and Legal Disciplines and Theory of Law, Pskov State University;
e-mail: profi.60@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Васильев С. В. «Злоупотребление правом» как проблема трансформации правовопонимания в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 2. С. 7–17.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-7-17

FOR CITATION

Vasiliev S. V. "Abuse of Law" as a Problem of Legal Understanding Transformation in Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 7–17.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-7-17